

Валентин Пикуль

Аввакум в пещи огненной

Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Аввакум в пещи огненной

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Аввакум в пещи огненной / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Из темной глуби XVII столетия, словно из пропасти, нам уже давно светят, притягательно и загадочно, пронзительные глаза протопопа Аввакума – писателя, которого мы высоко чтим. В самом деле, не будь Аввакума – и наша литература не имела бы, кажется, того прочного фундамента, на котором она уже три столетия незыблемо зиждется. Российская словесность началась именно с Аввакума, который первым на Руси заговорил горячим и образным языком – не церковным, а народным...»

© Пикуль В. С.

© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль

Аввакум в печи огненной

«Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее – не бойся! До печи той страх. А егда в нее вошел, тогда и забыл вся...»

Из темной глубины XVII столетия, словно из пропасти, нам уже давно светят, притягательно и загадочно, пронзительные глаза протопопа Аввакума – писателя, которого мы высоко чтим.

В самом деле, не будь Аввакума – и наша литература не имела бы, кажется, того прочного фундамента, на котором она уже три столетия неизбежно зиждется. Российская словесность началась именно с Аввакума, который первым на Руси заговорил горячим и образным языком – не церковным, а народным.

«Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, полнокровный голос. Это было гениальное „Житие“ неистового протопопа Аввакума. Речь его – вся на жесте, а канон разрушен вдребезги!» – так говорил Алексей Толстой.

Реализм, точный и беспощадный реализм, убивающий врага наповал, этот реализм нашей великой литературы был порожден «Житием протопопа Аввакума».

Первый публицист России, он был предтечею Герцена!

А кто он? Откуда пришел? И где пропал?..

«Житие» его включено в хрестоматию, и каждый грамотный человек должен хоть единожды в жизни прикоснуться к этому чудовищному вулкану – этому русскому Везувия, извергавшему в народ раскаленную лаву афоризмов и гипербола, брани и ласки, образов и метафор, ума и злости, таланта и самобытности.

Нельзя знать русскую литературу, не зная Аввакума!

Скоморохи спускались с горы... Текла вниз матушка-Волга, а под горой лежало село Лопатищи; солнце пекло нещадно, день был работный. Еще загодя скоморохи напаяли «хари» козлиные, загудели в сопелки, дурачась, забили в бубны, дабы народ сбегался на игры. А впереди дудочников и раешников два медведя плясали (один в сарафане бабьем, другой – как есть, ничем не украшен). Навстречу игрищу порскали от околлиц ребятишки, кузнец отложил молот в кузне, из-под руки глядели на скоморохов бабы с граблями, перестав сено ворошить на полях; всем стало весело.

Но тут вышел поп лопатищенский – прозванием Аввакум.

Молод еще, борода черная, в завитках, а глаза – угли.

– Не пуцу в село! – объявил забавщикам. – Неистовство ваше бесовское еси, оставьте пляски антихристовы...

Скоморохи на него – в драку.

– Ах так? – осатанел поп, рукава ряски закатывая...

Много их было, а он – один. Зато люто и толково бился поп. Как даст по зубам – кувырк, и пятки врозь. Побил всех скоморохов, а бубны и сопелки с «харями» разломал. Но забыл Аввакум про медведей; скоморохи науськали косолапых на попу, и тут попу стало худо. Без ружья и рогатины, голыми руками – как медведей осилить? А звери уже лезли в драку, и тот, ученый, что в сарафан был одет, он на двух лапах шел; видел Аввакум его пасть серо-розовую с клыками желтыми, а из пасти той попахивало – нехорошо и муторно.

– Владычица, помози! – взмолился Аввакум и хрястнул медведя кулаком в ухо: зашатался тот, обмяк в сарафане и лег...

Второго мишку (который еще неучен был) прижал поп к себе, и стали они ухаживаться по кругу – кто кого свалит? Аввакум силищи непомерной – так стиснул медведя, что у того в

шее что-то хрустнуло, взревел зверь и, оставляя после себя на траве след болезненный, дунул к лесу, а скоморохи – за ним...

Шатаясь, вернулся Аввакум в село, прошел в избу.

– Водицы мне, Марковна, – сказал жене и над порогом умылся от крови, полковника испил «стомаху ради» и побрел на сеновал, где неделю отлеживался от медвежьих объятий...

Вот беспокойный поп! Ни с кем не ладил – ни с паствою, ни с боярством. Однако к службе церковной был весьма рачителен, за что его возвели в сан протопопа – стал Аввакум владыкою в соборе города Юрьевца. Здесь его из ризницы выволокли, «среди улицы били батожем и топтали; и бабы били с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол...» Хотели горожане его в ров кинуть, чтобы там протопопа собаки бездомные съели, но тут воевода с пушкарями набежали – спасли владыку.

Таковы дела прошлые – дела святые, богоугодные...

Марковна всю ночь не спала – мужу лапти плела. Надел он лапти новые и спасался из Юрьевца до Костромы, а там, в Костроме, народ уже бил протопопа Данилу – таким же смертным боем, каким намеренно били протопопа Аввакума, и побежал Аввакум далее.

Был год 1652-й – на Москве дышалось пожарами и смутами.

Царь Алексей Михайлович к Аввакуму благоволил. Ночью они на молитве потаенной встретились, царь спросил строжайше:

– Ты почто с Юрьевца бежал, людей без бога оставил?

– Великия шатания на Руси зачались, осударь... А меня в Юрьевце били, оттого и бежал. Протопопица с детьми малыми в лесу осталась – неведомо, живы или побиты?

В том году в патриархии Руси избрали властолюбивого Никона, который церковные дела на новый лад переиначивал. А пуще прежнего стал Никон царя и власть царскую возвеличивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.